

было принято во всем его значении тогда же, когда оно появилось, а было только принято во внешнем, извращенном виде, было и неизбежно и необходимо.

Учение, разрушающее все существовавшее устройство мира, не могло быть принято при своем появлении во всем его значении. А было принято только во внешнем, извращенном виде. Люди, тогда огромное большинство людей, не были в состоянии понять учение Христа одним духовным путем: надо было привести их к пониманию его тем, чтобы, изведав то, что всякое отступление от учения - погибель, они узнали бы это на жизни, своими боками.

Учение было принято, как внешнее богопочитание, заменившее язычество. Но жрецы лжехристианства, несмотря на все старания, не могли скрыть от людей самой сущности учения, и истинное учение, против воли их, понемногу раскрывалось людям, сделалось частью их сознания.

- Что изменилось сейчас?

- В продолжение 20 веков шла эта двойная работа: положительная и отрицательная. С одной стороны, все большее и большее удаление людей от возможности доброй и разумной жизни, а с другой стороны, все большее и большее уяснение учения в его истинном смысле.

И в наше время дело дошло до того, что христианская истина, прежде познававшаяся только немногими людьми, одаренными живым религиозным чувством, теперь, в некоторых проявлениях своих, в виде социалистических учений, сделалась истиной, доступной каждому самому простому человеку, жизнь же общества самым грубым и очевидным образом на каждом шагу противоречит этой истине.

- Обычно, это выливается в революции...

- Положение европейского человечества с его земельной собственностью, податями, духовенством, тюрьмами, гильотинами, крепостями, пушками, динамитами, миллиардерами и нищими действительно кажется ужасным. Но, ведь, все это, все те ужасы, которые совершаются, и те, которые мы ожидаем, все ведь делается или готовы делаться нами самими.

Спасение людей от их унижения, порабощения и невежества произойдет не через революции, не через рабочие союзы, конгрессы мира, а через самый простой путь - каждый человек, которого будут привлекать к участию в насилии над своими братьями и над самим собой, сознавая в себе свое истинное духовное "я", с недоумением спросит: "Да зачем же я буду делать это?"

Не революции - хитрые, мудрые, социалистические, коммунистические устройства союзов - спасут человечество, а только такое духовное сознание, когда оно делается общим.

Ведь стоит только человеку очнуться от гипноза, скрывающего от него его истинное человеческое призвание, чтобы не то что отказаться от тех требований, которые предъявляет ему государство, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями.

- Что тогда будет с государственной властью?...

- Для непробудившегося человека государственная власть - это некоторые свя-

щенные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей.

Для пробудившегося человека - это люди очень заблудшие, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания, и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Все это для пробудившегося человека заблудшие и большей частью подкупленные люди, усиливающие других людей, точно такие же, как те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насиляют их. Древность этого насилия, размер насилия, организация его - не может изменить сущности дела. Для пробудившегося человека нет того, что называется государством, и потому нет оправдания всем совершаемым во имя государства насилиям; и потому для него невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

- Но как же жить без правительства, без власти?

- Люди так привыкли к этой государственной форме, в которой они живут. Она кажется им неизбежной, всегдашней формой жизни человечества. Но это только кажется. Жили и живут люди и вне государственной формы. Жили и живут так теперь все дикие народы, не дошедшие до того, что называется цивилизацией. Живут так и люди, ставшие в своем понимании смысла жизни выше цивилизации: живут и в Европе, и в Америке.

Государственная форма есть временная, но никак не постоянная форма жизни человечества. Как жизнь одного человека не неподвижна, а постоянно изменяется, подвигается, совершенствуется, так не переставая изменяется, подвигается, совершенствуется жизнь и всего человечества. Каждый отдельный человек когда-то сосал грудь, играл в игрушки, учился, работал, женился, воспитывал детей, освобождался от страстей, умудрялся к старости. Точно

так же умудряется и совершенствуется и жизнь народов, только не годами, как для человека, а веками, тысячами лет.

И как для человека главные изменения совершаются в области духовной, невидимой, так и в человечестве главные изменения совершаются прежде всего в невидимой области, в его религиозном сознании.

Как изменения эти для отдельного человека совершаются так постепенно, что никогда нельзя указать тот час, день, месяц, когда ребенок перестал быть ребенком, а стал юношей, и юноша мужем, а между тем мы всегда безошибочно знаем, когда переходы эти уже совершились, так точно мы и не можем никогда указать на те годы, когда человечество или известная часть его пережила один религиозный возраст и вступило в другой, следующий. Но так же, как мы знаем про ребенка, что он стал юношей, мы знаем и про человечество, что оно пережило один и вступило в другой, высший, религиозный возраст, когда переход этот уже совершился.

Такой переход от одного возраста человечества к другому совершился в наше время в жизни народов христианского мира.

- Уже совершился?

- Мы не знаем того часа, когда ребенок стал юношей, но знаем, что бывший ребенок уже не может играть в игрушки. Так же мы не можем назвать того года, десятилетия даже, во время которого люди христианского мира выросли из прежней формы жизни и перешли в другую, но не можем не видеть того, что люди христианского мира уже не могут серьезно играть в завоевания, в свидания монархов, в дипломатические хитрости, в конституции, со своими палатами и думами, в социал-революционные, демократические, анархические партии и революции, а главное, не могут делать всех этих дел, основывая их на насилии.

Особенно это заметно теперь у нас в России, с внешним изменением государственного устройства. Серьезные мыслящие русские люди не могут уже не испытывать теперь по отношению всех введенных новых форм управления нечто вроде того, как если бы взрослому человеку подарили новую, не бывшую у него во время детства, игрушку. Как ни нова и интересна игрушка, она не нужна ему, и он только с улыбкой может глядеть на нее. Так это у нас, в России, и для всех мыслящих людей и для большой массы народа с нашей конституцией, думой и разными революционными союзами и партиями.

Ведь не могут же русские люди нашего времени - я думаю, что не ошибаясь скажу, чувствующие уже, хотя и в неясном виде, сущность истинного учения Христа, - серьезно верить в то, что призывание человека в этом мире состоит в том, чтобы данный ему короткий промежуток времени между рождением и смертью употребить на то, чтобы говорить речи в палатах, или собраниях товарищей социалистов, или в судах, судить своих ближних, ловить, запирать, убивать их, или кидать в них бомбы, или отбирать у них земли, или заботиться о том, чтобы Финляндия, Индия, Польша, Корея были присоединены к тому, что называется Россией, Англией, Пруссией, Японией? Не может человек нашего времени не сознавать в глубине души всего безумия такой деятельности.

- И, все-таки, непонятно - как жить без государственной власти?

Люди, находящиеся в исключительно выгодном положении, вследствие существования государственного устройства, представляют себе жизнь людей без государственной власти в виде величайшей неурядицы, борьбы всех против всех, точно как будто говорится о жожитии не только животных (животные живут мирно без государственного насилия), а каких-то ужасных существ, руководимых в своей деятельности только ненавистью и безумием. Но представляют они себе людей такими только потому, что приписывают людям те противные их сущности свойства, которые воспитаны тем самым государственным устройством, в которое они сложились и которое они, несмотря на то, что оно очевидно не нужно и только вредно, продолжают поддерживать.

- Все это, может быть, и справедливо, но воздер-

живаться от насилия будет разумно только тогда, когда да все или большинство людей поймут неразумность насилия. Пока же этого нет, что делать отдельным людям?

- Злодей занес нож над своей жертвой, у меня в руке пистолет, я убью его. Но ведь я не знаю и никак не могу знать, совершил ли бы, или не совершил бы занесший нож свое намерение. Он мог бы не совершить своего злого намерения, я уже наверное совершу свое злое дело. И потому одно, что может и должен человек сделать как в этом, так и во всех подобных случаях, это то, что должно делать всегда во всех возможных случаях: делать то, что он считает должным перед богом, перед своей совестью. Совесть же человека может требовать от него жертвы своей, но никак не чужой жизни.

То же относится и к способам противодействия злу общественному. Так что на вопрос о том, что делать человеку при виде совершаемых злодеяний одного или многих людей, ответ только один: поступать с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой.

Это же рассуждение -

Что Вы еще хотите сказать людям?

- Освободитесь от обманов лжехристианства и государственности, которые скрывают от вас то, что открыл вам Христос и чего требует ваш разум и ваше сердце, - и вам ясно станет, что в вас, только в вас самих причины всех телесных страданий - нужды - и духовных: сознания несправедливости, зависти, раздражения, которые мучают вас. В вас же - причины тех страхов, укоров совести, сознания греха своей жизни, которые более или менее, по степени вашей нравственной чуткости, тревожат вас.

Вы не рождены ни рабами, ни повелителями других людей, вы - свободные люди. Но свободные и разумные только тогда, когда вы исполняете высший закон своей жизни. Закон этот открыт вам, и стоит только откинуть те лжи, которые скрывают его от вас, станет ясно - в чем этот закон и в чем ваше благо. Закон этот в любви, и благо - только в исполнении этого закона.

Уважаемые читатели!
На стр. 10 вас ждет окончание этого интервью, а также имя и портрет нашего гостя.

О троичности бога, божественности Христа, искупления и таинствах

Большинство людей, считая себя нравственными и образованными людьми, будут серьезно говорить и спорить о троичности бога, о божественности Христа, об искуплении, таинствах и т. п., или о том, какая из двух политических партий имеет более шансов на успех, какой союз государств более желателен, чьи предположения более основательны: социал-демократов или социалистов-революционеров, - но и те и другие совершенно согласно убеждены в том, что о непровлении злу насилем нельзя говорить серьезно.

Отчего это?

А оттого, что люди не могут не чувствовать, что признание положения о непровлении злу насилем под корень разрушает всю установившуюся их жизнь и требует от них чего-то нового, неизвестного и кажущегося им страшным.

От этого-то и происходит то, что вопросы о троичности, о бессеменном зачатии, о причастии, крещении могут занимать людей религиозных; так же могут занимать людей нерелигиозных вопросы о политических союзах, партиях, о социализме и коммунизме, но вопрос о непровлении злу насилем им представляется какой-то удивительной бессмыслицей, и тем большей бессмыслицей, чем большими преимуществами при теперешнем устройстве мира пользуются люди.

От этого происходит и то, что наиболее резкое отрицание учения о непровлении и непонимание его всегда пропорционально степени власти, богатства, цивилизации людей.

Л. Н. Толстой